

После того как евнух Ван Дэ удалился, во Дворе Юлань воцарилась тишина. Лишь отчетливо слышался шелест бамбуковых листьев, которые раскачивал за окном ветер. У Юаньчжао сидела у окна в одиночестве, машинально постукивая пальцами по гладкой раме, а в душе её бушевали волны.

Внезапные расспросы о пожаре походили на камень, брошенный в гладь озера. Они не только нарушили внешнее спокойствие, но и напомнили ей, что под этим дворцом скрываются бесчисленные подводные течения. Загадочное исчезновение прежней владелицы тела прошлой ночью, подозрительно уверенные показания служанки Цю Юэ, внешне вежливый, но при этом пронизывающий взгляд евнуха из Управления Юнсян — всё это казалось крайне необычным.

Ей необходимо как можно скорее добраться до истины. В глубине этих дворцовых стен любое подозрение может обернуться бурей, способной поглотить её целиком.

— Цю Юэ, — позвала У Юаньчжао, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Спустя мгновение Цю Юэ, опустив голову, быстро вошла в комнату. Её лицо все еще оставалось бледным, а пальцы нервно теребили край одежды.

— Какие будут распоряжения, цайжэнь?

У Юаньчжао не стала спрашивать сразу, а внимательно осмотрела её. Цю Юэ была совсем молода, лет пятнадцати-шестнадцати, с миловидным лицом и глазами, в которых читались присущая дворцовым служанкам осторожность и едва заметный страх.

— Благодарю тебя за то, что произошло ранее, — медленно произнесла У Юаньчжао, глядя на слегка дрожащие пальцы девушки. — Если бы ты не стояла на своем, утверждая, что я не выходила, евнуху Вану было бы не так просто уйти.

Цю Юэ опустила голову еще ниже, и её голос стал тише комариного писка:

— Рабыня... рабыня просто сказала правду.

— Правду? — У Юаньчжао слегка приподняла бровь, в её голосе зазвучали нотки не терпящего возражений вопроса. — Цю Юэ, прошлой ночью я действительно спала крепко, и события первой половины ночи помню смутно. Ты действительно уверена, что я ни на шаг не отлучалась из этой спальни?

Её слова были полуправдой: она и обозначила свои сомнения, и оставила служанке пространство для объяснений.

Цю Юэ резко подняла голову. В её глазах мелькнул испуг, она тут же отвела взгляд, но

ответила с необычайной твердостью:

— Прошу, цайжэнь, будьте благоразумны! Вы действительно не вставали после того, как легли почивать. Я все время дежурила в прихожей и слышала всё отчетливо. Должно быть... должно быть, ночной дозор ошибся! Ночь была темная, у пруда с лотосами деревья отбрасывают густые тени, так что перепутать немудрено.

Её реакция была слишком быстрой и слишком твердой, что лишь убедило У Юаньчжао в том, что служанка что-то знает. Однако сейчас допрос не был лучшей стратегией.

У Юаньчжао на мгновение задумалась, а затем сменила тему, придав голосу мягкости:

— Проснувшись, я почувствовала, что некоторые вещи помню неясно. Ты давно при мне, расскажи-ка, не случилось ли в последнее время во дворце чего-то особенного? Или, может, я сама вела себя как-то странно в последние дни?

Она пыталась окольными путями разузнать о прежней владелице тела, особенно о причинах попытки отнести отвар во Дворец Ляньи и о возможных ночных вылазках.

Цю Юэ замерла, явно не ожидая такого вопроса. Поколебавшись, она осторожно ответила:

— Вы в последнее время... лишь тосковали по родным, часто подолгу смотрели в окно. А несколько дней назад... вы слышали, что состояние здоровья Его Величества нестабильно, забеспокоились и решили сварить женьшеневый отвар... хотели проявить заботу, но не вышло... — она умолкла, и голос её стал тише. — Красавица Чжан и другие часто насмехались над этим... Что до странностей, то ничего больше не было.

В своих словах она ловко обошла конкретный вопрос о прошлой ночи, ограничившись общими фразами.

У Юаньчжао поняла, что большего добиться не удастся, а лишние расспросы лишь заставят служанку насторожиться. Похоже, прежняя хозяйка не была плетущей интриги особой или участницей тайных операций, а скорее походила на девушку, пребывающую в смятении из-за тоски по дому и неудач. Быть может, тот ночной выход имел иные причины? Или ночной дозор действительно ошибся?

— Ясно, — кивнула У Юаньчжао, смягчая тон. — Ступай. О сегодняшнем разговоре никому не рассказывай.

— Слушаюсь, цайжэнь.

Цю Юэ заметно приободрилась, поклонилась и поспешно вышла. Глядя ей вслед, У Юаньчжао нахмурилась. Эта Цю Юэ определенно что-то скрывает. Но сейчас кажется, что она защищает

свою госпожу, по крайней мере внешне. Возможно, её можно пока оставить, но доверять полностью нельзя.

В последующие дни У Юаньчжао вела себя крайне незаметно. Она ежедневно являлась с поклоном во Дворец Личжэн, а после возвращалась во Двор Юлань и почти не выходила наружу. Ссылаясь на не до конца поправившееся здоровье, она несколько раз отклонила приглашения на чаепития и любование цветами, популярные среди наложниц низкого ранга, сосредоточившись на лечении.

Это время она использовала, чтобы жадно поглощать все доступные книги — в основном сборники стихов и исторические хроники, оставшиеся от прежней хозяйки. Она также постоянно выводывала у Цю Юэ и другой служанки, Сяо Лянь, сведения о дворцовых правилах, людях и даже нравах города Чанъань. Ей нужно было как можно скорее влиться в эту эпоху и заполнить пробелы в знаниях.

Сяо Лянь была помладше, лет тринадцати-четырнадцати, и характер у неё был живой, что позволяло легче вытягивать из неё информацию. От неё У Юаньчжао узнала, что, хотя нынешний император и болен, он иногда вызывает сановников для решения государственных дел. Императрица управляет гаремом справедливо и строго, но в последнее время, беспокоясь о государе, ведет уединенный образ жизни. Высшие ранги сейчас занимают супруга Вэй, супруга Ян и другие наложницы, родившие принцев, но большинство из них уже в годах, и милость императора к ним не так велика, как к молодым красавицам. А такие, как красавица Чжан, с неплохим происхождением, долей внимания и вздорным характером, в гареме не редкость.

— Цайжэнь, вы становитесь все краше, — однажды, расчесывая ей волосы, восхищенно прошептала Сяо Лянь. — Лицо порозовело, а глаза будто засияли. Будто жемчужина, с которой стерли пыль!

У Юаньчжао смотрела в зеркало на лицо, ставшее для неё привычным, и сердце её дрогнуло. Может, это вселение современной души, а может, пробуждение жажды жизни, но тело действительно постепенно избавлялось от прежней робости и блеклости. В выражении лица появилась едва заметная безмятежность и живой блеск. Эти перемены были незначительны, но постоянны, и в глазах недоброжелателей они могли стать дурным знаком.

Действительно, через несколько дней, во время утреннего поклона во Дворце Личжэн, императрица не появилась — она была при императоре, подавая лекарства, поэтому наставления давала супруга Вэй. Когда аудиенция закончилась и наложницы начали расходиться, дорогу У Юаньчжао снова преградила красавица Чжан.

На этот раз рядом с ней были еще две женщины в нарядах красавиц: одна по фамилии Чжэн, другая — Сюй. Красавица Чжэн окинула У Юаньчжао острым взглядом, словно оценивала товар; красавица Сюй слегка улыбалась, но в её глазах читалось такое же любопытство.

— О, да наша цайжэнь У так прекрасно поправилась, — красавица Чжан прикрылась веером, но

её смех был полон насмешки. — Посмотрите на это личико, белое с румянцем, любо-дорого смотреть. Неудивительно, что вы не выходите гулять, даже выздоровев — небось, прячетесь в комнате и пользуетесь каким-то тайным средством для красоты? Поделитесь с сестрами, дайте и нам прикоснуться к прекрасному.

Красавица Чжэн усмехнулась:

— Какое там средство? Просто молодость. Только вот молодость, если не использовать её по назначению, тратится впустую, — она сделала многозначительный намек.

У Юаньчжао насторожилась, понимая, что они намеренно ищут повод для ссоры. Она опустила глаза и почтительно ответила:

— Красавицы Чжан, Чжэн и Сюй шутят. Я лишь следовала советам лекаря и соблюдала покой, не смея использовать ничего лишнего. Что до красоты и достоинства, то мне далеко до вас, сестры.

Красавица Сюй тихо произнесла о-о и улынулась:

— Цайжэнь У теперь так складно говорит. Похоже, болезнь пошла на пользу, даже характер стал бойким. Только в гареме умения говорить недостаточно, важнее всего... соблюдать правила и знать меру. — Она шагнула вперед, голос её стал тише, но в нем проскользнул холод. — Слышала, к вам на днях заходили из Управления Юнсян? Все ли в порядке? В этом дворце самое опасное — ввязаться в неприятности.

Сердце У Юаньчжао сжалось: весть об этом все-таки разнеслась! Она тут же изобразила испуг:

— Благодарю за беспокойство, красавица Сюй. Евнух Ван лишь по обыкновению расспрашивал о ночном дозоре, ничего особенного.

— Правда? — красавица Чжан выгнула бровь, явно не веря. — А я слышала, что в ту ночь в Западном саду был пожар, и кто-то видел... ха-ха, впрочем, неважно, хорошо, что всё обошлось. Только, цайжэнь У, то отвар не приняли, то Управление Юнсян допрашивает — вокруг вас столько шума, будьте осторожнее. Было бы скверно, если бы вы запятнали репутацию нас, сестер, что вошли во дворец в одно время.

В её словах сквозило злорадство.

Троица еще немного поязвила, но, видя, что У Юаньчжао покорно опустила глаза и безропотно сносит нападки, потеряла интерес и удалилась.

У Юаньчжао стояла на месте, сжав кулаки в рукавах. Такую неприкрытую зависть и травлю она встречала и в современном офисе, но здесь, в глубоком дворце с жесткой иерархией, где

любая ошибка карается, это ощущалось особенно остро и опасно. Она не могла спорить, оправдываться или показать хоть каплю недовольства, иначе это вызвало бы лишь более яростные атаки.

Ей нужно терпеть и ждать своего часа.

Однако деревья хотят покоя, но ветер не утихает.

Спустя несколько дней случай позволил её приметной внешности и проявившемуся таланту снова стать центром сплетен в гареме.

Был пятнадцатый день четвертого месяца, и по обычаю наложницы, не удостоенные милости императора, могли отправиться в храм у Дворца Тайцзи для молитвы. У Юаньчжао, желая лучше узнать дворец и на время сбежать из давящей тишины Двора Юлань, взяла с собой Цю Юэ.

В храме курился фимиам, атмосфера была торжественной и строгой. Несколько наложниц сидели на ковриках, тихо читая сутры. У Юаньчжао тоже нашла уголок и опустилась на колени. Она не была истово верующей, но сейчас, слушая отдаленное пение и вдыхая аромат сандала, почувствовала странное спокойствие.

После молитвы все начали расходиться. Проходя по двору, она заметила пожилого евнуха, который руководил маленькими слугами, протиравшими старую бронзовую курильницу. Курильница была изящной формы, но из-за древности сильно покрылась ржавчиной, а выгравированные надписи стали неразличимы.

Проходившая мимо женщина-чиновник (как позже сказала Сяо Лянь, это была Госпожа Цао, ведающая письменами) остановилась и с сожалением заметила:

— Говорят, эта курильница — вещь прежних династий, искусная работа, но жаль, что ржавчина так её съела, что даже надписи разобрать нельзя.

Наложницы тоже остановились, вздыхая, но никто не смог сказать ничего дельного.

У Юаньчжао, шедшая позади, взглянула на курильницу. Привычка современного человека заставила её присмотреться внимательнее. В университете она изучала основы археологии и проходила практику в музее, поэтому имела некоторое представление об уходе за бронзой. Она заметила, что ржавчина покрывала предмет неравномерно, и под зеленоватым налетом виднелись иные слои.

Словно поддавшись порыву, она тихо сказала Цю Юэ:

— Принеси чистого уксуса, мягкую щетку и маленькую баночку меда.

Цю Юэ удивилась, но поспешила выполнить приказ. Окружающие с любопытством наблюдали за У Юаньчжао.

Вскоре всё было готово. У Юаньчжао слегка поклонилась Госпоже Цао и старому евнуху:

— Позвольте мне попытаться, может, удастся проявить надписи. Если что не так, прошу прощения.

В глазах Госпожи Цао мелькнуло удивление, она кивнула:

— Если у цайжэнь есть способ, попробуйте.

Под любопытными взглядами У Юаньчжао закатала рукава и мягкой щеткой, смоченной в уксусе, аккуратно протерла места с толстым слоем ржавчины — она помнила, что уксусная кислота размягчает определенные виды окислов. Затем она нанесла немного меда на область, где угадывались контуры знаков — липкость меда помогала удалить часть рыхлой грязи, действуя мягко.

Она работала осторожно, сосредоточенно. Вокруг стояла тишина, слышалось лишь легкое трение щетки.

Спустя четверть часа она промыла поверхность чистой водой и протерла мягкой тканью. Произошло чудо — ржавчина заметно поредела, и хотя полностью очистить её не удалось, сквозь налет проступил изящный узор и несколько размытых черт иероглифов.

— О, узоры действительно проявились!

— Смотрите туда! Похоже на иероглиф вечность?

Вокруг послышались изумленные возгласы. Госпожа Цао подошла ближе и с восторгом воскликнула:

— Чудесно! Пусть не до конца, но основа видна! Ценность курильницы возросла в разы! Цайжэнь У, где вы научились такому мастерству?

У Юаньчжао выдохнула, понимая, что риск оправдался. Она отложила инструменты и смиренно склонила голову:

— Дома я видела, как отец возится с древностями, и кое-что переняла, но это не мастерство, а лишь баловство. Сегодня я показала свое невежество перед Госпожой Цао.

Она ловко приписала всё отцу — ведь отец, будучи главой Министерства работ, вполне мог иметь дело с антиквариатом. Госпожа Цао одобрительно кивнула:

— Министр У воспитал достойную дочь. Цайжэнь умна и внимательна, это редкость.

Старый евнух тоже принялся благодарить её.

Однако У Юаньчжао остро почувствовала, как любопытство в глазах окружающих сменяется сложными чувствами. Там были восхищение и интерес, но больше всего — трудноскрываемая зависть и подозрительность.

Особенно холоден был взгляд красавицы Чжэн. Красавица Сюй улыбалась, но эта улыбка стала глубже и загадочнее.

Слух об этом быстро разлетелся по гарему.

— Слышали? У той цайжэнь У из Двора Юлань есть такие таланты?

— Просто способ привлечь внимание, выпендривается!

— Госпожа Цао её хвалила... Похоже, она не только лицом красива...

— Хм, мысли не о том, всё какими-то хитростями промышляет!

У Юаньчжао снова стала центром обсуждений. На этот раз зависть вызывала не только внешность, но и её таланты. Она даже слышала шепот, что наложницы высокого ранга считают её слишком хитрой и не подобающей женщине из гарема.

Она горько усмехнулась. Хотела спрятаться в тени, а в итоге привлекла еще больше внимания. Этот гарем — сплошная ловушка.

Вечером, отослав всех, она осталась наедине с лампой. На столе лежала книжица в шелковой обложке. Она снова открыла её, вчитываясь в изящные строки, пытаясь найти больше сведений о прежней владелице, которые могли бы пролить свет на тайну той ночи.

Когда она дошла до последних страниц, пальцы нащупали что-то необычное. Присмотревшись, она обнаружила, что подкладка на задней обложке чуть плотнее. Сердце забилось сильнее, она взяла маленькие ножницы и аккуратно вспорола шов.

Внутри была спрятана маленькая, тщательно сложенная бумажка. Развернув её, она увидела лишь несколько строк, написанных тем же почерком, что и дневник, но более торопливо:

...Сердце в смятении. То, что сказал тот человек, слишком ужасно. Не знаю, правда это или ложь, и какова его цель. Старый склад в Западном саду... если там действительно есть доказательства... в час пса (около семи сорока пяти вечера)... нужно увидеть своими глазами... может быть... спасение? Но... боюсь, это ловушка... что же делать...

На этом записи обрывались, последние слова были почти неразборчивы, выдавая страх и нерешительность автора.

Сердце У Юаньчжао подпрыгнуло, рука с листком задрожала.

Старый склад в Западном саду! Час пса!

Скорее всего, именно поэтому прежняя хозяйка тела отправилась туда ночью! Кто-то (тот человек) сообщил ей ужасную тайну или обвинение, намекнув, что на складе есть доказательства. Она, разрываясь между страхом и надеждой на спасение, рискнула пойти... А потом?

Что случилось потом? Что она увидела? Кого встретила? Был ли пожар случайностью или попыткой уничтожить следы? Связано ли с этим её переселение?

И кто был тот человек, что сообщил ей это? Друг или враг?

Бесчисленные вопросы закружились в голове, вызывая головокружение. Этот тонкий листок бумаги казался тяжелее тысячи фунтов, обнажая огромный заговор, скрытый под спокойной поверхностью дворца.

А она сама сейчас находится в самом центре этого вихря.

В этот момент за окном раздался тихий стук, словно маленький камешек ударился о раму.

У Юаньчжао вздрогнула, быстро спрятала листок в рукав, задула лампу и, затаив дыхание, подошла к окну, вглядываясь в лунный свет.

Во дворе было пусто, бамбук покачивался на ветру.

На подоконнике лежал свежий бамбуковый лист, который кто-то просунул сквозь щель. На листе острым предметом были вырезаны несколько маленьких символов, едва заметных в лунном свете.

Символы были странными, незнакомыми, точно не иероглифы.

У Юаньчжао взяла лист, и в её душе поднялась буря.

Кто-то следит за ней? Или это способ передачи сообщений? Что значат эти символы?

Чувство опасности, словно ледяная волна, захлестнуло её. Она поняла, что с того самого момента, как ступила в этот мир, за ней, возможно, уже наблюдала пара — или даже множество — невидимых глаз.

Эта игра оказалась куда сложнее и опаснее, чем она могла вообразить.

Она крепко сжала бамбуковый лист и листок бумаги, глядя в бездонную ночную тьму за окном.

Выжить, докопаться до истины, а затем... нанести ответный удар.

Её взгляд в темноте стал острым и решительным. Острота У Юаньчжао в этот миг впервые проявилась по-настоящему.

<http://bllate.org/book/18487/1773686>